

ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

К 210-летию М. Ю. Лермонтова

Екатерина СОСНИНА

МИСТИЧЕСКИЙ СЛЕД В БИОГРАФИИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

В этом году исполняется 210 лет со дня рождения М. Ю. Лермонтова. Около двух столетий лермонтоведы изучают его биографию, но загадок и белых пятен в ней остается немало и по сей день. В мемуарной литературе о поэте достаточно много сомнительных материалов. Так, неоднократно поднимался вопрос о подлинности «Письма» Е. Г. Быховец¹, много шума в лермонтоведении произвело «разоблачение» «Писем и записок» А. Оммер де Гель — литературной мистификации П. П. Вяземско-

Екатерина Леонидовна Соснина родилась в г. Ессентуки. Окончила Пятигорский педагогический институт иностранных языков. Кандидат исторических наук, доцент, член Московского Лермонтовского общества, главный научный сотрудник Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова (г. Пятигорск). Автор многочисленных публикаций о Лермонтове и истории Северного Кавказа, книги «Французы на Кавказе (исторические и живописные путешествия XIII—XIX вв.)» (2015). Один из авторов Энциклопедического Лермонтовского словаря (2014). В переводе Е. Л. Сосниной вышли в свет: книга французской путешественницы, женщины-легенды в жизни М. Ю. Лермонтова Адель Оммер де Гель «Путешествие по прикаспийским степям и югу России» (2003); труд одного из основателей науки о Кавказе графа Яна Потоцкого «Путешествие в астраханские и кавказские степи» (2003), а также неизвестные письма княгини М. А. Щербатовой. Участник международного проекта «Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века», организованного Институтом всеобщей истории РАН совместно с Французской академией наук (2010–2013).

¹ Соснина Е. Л. Можешь верить или не верить (к истории дуэли М. Ю. Лермонтова) // Кавказская здравница, 26 июля 2014. С. 5.

го. Серьезной критике подвергались и «Записки» Е. А. Сушковой (1812–1868) — адресата лермонтовской лирики. Причем наиболее резкие выпады по поводу этих «Записок» прозвучали со стороны ее ближайших родственников (младшей сестры Елизаветы Ладыженской, племянницы мемуаристки Н. А. Фадеевой и дядюшки Екатерины Сушковой Николая Васильевича Сушкова)². Отметим при этом, что Елизавета Александровна Ладыженская (1815–1883) писала по поводу публикации последней части мемуаров Катеньки, появившихся в печати после ее смерти: «Мои добрые родные, глубоко дорожащие чувством фамильной чести, были возмущены появлением в свет этих „нечестивых“, как писал мне дядя Н. В. Сушков, *Записок*». Примечательно, что Ладыженская не только указывала на сбивчивость и ошибочность воспоминаний, но и называла их «чистой мистификацией».

То есть вопрос о том, что часть «Записок» Е. Сушковой является мистификацией, ставился изначально. Мы постараемся проанализировать этот документ, установить время написания и опубликования различных его частей, а также доказать различную степень достоверности отдельных фрагментов, понимая необходимость осторожности при его цитировании в литературе о М. Ю. Лермонтове.

Николай Васильевич Сушков (1796–1871), назвавший «Записки» Екатерины Александровны «нечестивыми», в свое время был весьма встревожен судьбой Кати, получившей «анонимное» письмо от М. Ю. Лермонтова, в котором тот от лица неведомого доброжелателя разоблачал несерьезность собственных намерений по отношению к ней, скомпрометировав ее таким образом в глазах света. Дядюшка Екатерины Сушковой сличил почерки, вывел Лермонтова, так сказать, «на чистую воду», после чего все члены семейства с осуждением отнеслись к юному поэту.

В то же время определенная часть «Записок» Е. Сушковой являлась подлинной, и это признавалось родственниками Екатерины Александровны, дружно восставшими против заключительной части мемуаров.

Так, Надежда Андреевна Фадеева (1829–1919), племянница мемуаристки, сама передала первому биографу М. Ю. Лермонтова Павлу Александровичу Висковатову часть дневника Сушковой (в замужестве Хвостовой) во время V археологического съезда в Тифлисе в 1881 году.

Дневник Е. А. Сушковой, написанный в оригинале на французском языке и полученный П. А. Висковатым от Н. А. Фадеевой (сегодня подлинность этого документа не вызывает сомнений), в 1885 году был передан в Лермонтовский музей Николаевского кавалерийского училища³. Он представляет собой рукописную тетрадь из 47 исписанных с обеих сторон листов (последний лист, вырванный из другой тетради, — позднейшая вклейка). Рукопись озаглавлена: «Suite de mon journal. 1833. S.-Petersbourg» («Продолжение моего дневника». 1833. С.-Петербург). Другие тетради дневника до нас не дошли. Текст же дневника за 1833 год, начатого 1 мая, был опубликован издательством «Academia»⁴ в 1928 году. Причем текст дневника напечатан в этом издании после текста «Записок», в разделе «Дополнения», и содержал разночтения с основным текстом «Записок», особенно в реставрации некоторых фактических деталей лета 1833 года.

Следовательно, единственная подлинная рукопись Сушковой, дошедшая до нашего времени, хранилась в семейном архиве Фадеевых. История этой семьи представляется чрезвычайно интересной и требует специального рассмотрения.

² Замечания Н. А. Фадеевой опубликованы в «Современной летописи», 1868, № 46, с. 10–11 и 1871, № 41, с. 8–9; возражения Е. А. Ладыженской и Н. В. Сушкова в «Русском вестнике», 1872, кн. 2, с. 637–662.

³ Отд. IV, № 26, под тем же шифром сегодня в Пушкинском Доме.

⁴ Сушкова Екатерина. Записки / Первое полное издание под ред. Ю. Г. Оксмана. Л.: Academia, 1928.

Екатерина Сушкова рассказывает о том, что ее рано разлучили с матерью, Анастасией Павловной, урожденной Долгорукой. В 1820 году ее родители разъехались. Отец, посчитав, что больная сердцем жена не может воспитывать детей, силой забрал их себе и отдал Екатерину и ее младшую сестру Елизавету (1815—1883) на воспитание своей сестре. В богатом доме своей тетки Марии Васильевны Беклешовой (1792—1863) Екатерина жила до замужества. Она рассказывает о том, что видиться с матерью ей было запрещено, даже портрет матери был уничтожен.

В этих условиях ближайшими и любимыми родственниками для нее оказались члены семьи Фадеевых. Это была родня со стороны матери. Глава семейства Андрей Михайлович Фадеев (1789 [1790], Ямбург — 1867) — саратовский губернатор (1841—1846), позднее высокопоставленный чиновник в Закавказском крае, тайный советник. Он лично знал А. С. Пушкина, жил вместе с ним в доме Инзова в Кишиневе, оставил воспоминания о поэте. Он был женат на родной сестре матери Е. А. Сушковой Елене Павловне Долгорукой.

В этой семье в свое время побывала женщина-легенда в жизни Лермонтова — французская путешественница Адель Оммер де Гелль. В архиве Фадеевых хранилось подлинное письмо ее мужа К. Оммера де Гелль из села Владимировка в Астрахань к Андрею Михайловичу Фадееву (подлинник на французском языке) от 28 сентября 1839 года. Причем первый перевод этого письма на русский язык был выполнен Е. Шереметевой — родной дочерью П. П. Вяземского, что доказывает причастность Вяземского-мистификатора к документам из архива Фадеевых. В этом же семейном архиве хранился автограф на французском языке стихотворения самой А. Оммер де Гелль («Когда птица в пути...»), датированного автором сентябрем 1839 года. Первый вольный перевод в прозе этого стихотворения был также выполнен Е. Шереметевой.

У Елены Павловны и Андрея Михайловича было четверо детей:

- старшая дочь Елена (1814—1842) — в замужестве фон Ган; писательница-романистка, мать Елены Петровны Блаватской и Веры Желиховской, оставившей воспоминания о М. Ю. Лермонтове и своей знаменитой сестре Е. П. Блаватской.
- Екатерина — мать Сергея Юльевича Витте.
- Надежда — активный член Теософского общества (передала часть записок Е. Сушковой П. Висковатову).
- Ростислав (1824—1883) — военный историк, публицист, генерал-майор.

Итак, семья, давшая миру «Русского сфинкса» — Елену Блаватскую, одарила русскую литературу сушковским мифом — историей раннего Лермонтова. До сих пор текст «Записок» Сушковой публикуется как единое целое. Однако они выходили в свет частями, в разные годы. Проследим этапы их опубликования:

Первая часть. Сначала мемуаристка ограничилась только публикацией сырого фактического материала и двенадцати неизвестных ранее стихотворений М. Ю. Лермонтова, сохранившихся в ее старых тетрадях («Библиотека для чтения» за 1844 год)⁵. Журнал «Библиотека для чтения» А. Ф. Смирдина, как любой коммерческий проект, прежде всего был нацелен на получение прибыли. Редактором его являлся Осип Иванович Сенковский, более известный по псевдониму Барон Брамбеус. Сенковский умело подбирал для издания сенсационный материал. Не исключено, что он мог узнать историю отношений М. Ю. Лермонтова и Е. А. Сушковой из первых рук: так, А. М. Фадеев, супруг родной сестры матери Е. А. Сушковой, сообщает о своем пребывании в Петербурге: «В эту же бытность мою в Петербурге я познакомился с известным Осипом Ивановичем Сенковским, бароном Брамбеусом, по случаю литературных отношений его с стар-

⁵ Библиотека для чтения, 1844, т. LXIV, май. С. 5.

шею мою дочь, Еленой Андреевной Ган, статьи которой он печатал в издаваемой им тогда «Библиотеке для чтения». — Человек он был бесспорно замечательно умный и необыкновенно остроумный, но в разговорах с ним проявлялось что-то отталкивающее от него»⁶.

Вторая часть. После публикации неизвестных стихов Лермонтова интерес к фактам жизни и творчества поэта необычайно возрос, и Сушковой были написаны воспоминания, где рассказывается о ее первых встречах с поэтом в 1830 году. Подлинность этой части «Записок» подтверждается воспоминаниями А. М. Фадеева. Именно эта часть (будущая IV глава «Записок») появилась в «Русском вестнике» 1857 года⁷, то есть задолго до публикации «Записок» полностью, еще при жизни самой Е. А. Сушковой. «Как ни принималась она за продолжение „Записок“, — рассказывает первый их издатель, — от всех этих попыток остались две-три страницы да небольшое предисловие к прежним запискам, подписанное 1860-м годом». «Русский вестник» (*Русский Вѣстникъ*) — российский журнал М. Н. Каткова, издававшийся с 1856-го по 1906 год (до 1887 года в Москве, потом в Петербурге). Один из наиболее влиятельных литературных и общественно-политических журналов России второй половины XIX века. Оказал огромное влияние на развитие общественной мысли и движение литературной жизни.

Третья часть. В 1868 году Е. А. Сушкова скончалась. И вдруг через год после ее смерти появляется полный текст ее записок, то есть третья, недостающая часть. Отредактированные после смерти мемуаристки М. И. Семевским, записки Сушковой увидели свет в книжках «Вестника Европы»⁸ за 1869-й (частично), а затем за 1870 год (уже без купюр)⁹ под названием: «Записки Екатерины Александровны Хвостовой (рожденной Сушковой) 1812—1841. Материалы для биографии Лермонтова».

М. Е. Салтыков-Щедрин сетовал на то, что в этих воспоминаниях передан только внешний облик поэта, его внутренний мир перед читателем даже не приоткрывается¹⁰. Он заметил: «„Записки Е. А. Хвостовой“, сами по себе, впрочем, довольно бледные, имеют специальный интерес, так как в них передается довольно много подробностей из интимной жизни М. Ю. Лермонтова». Самого же издателя (М. И. Семевского) Щедрин относил к тем «фельетонистам-историкам анекдотической школы», которые «не задаются в своих трудах ровно никакой идеею и тискают в печатные статьи нисколько не осмысленные материалы, открытые где-нибудь в архивах или частных записках».

Обратимся теперь к этому тексту, вышедшему в свет в 1870 году, после смерти мемуаристки. Причем заметим, что печатался он по неизвестному автографу.

Вот, например, что пишет Е. А. Сушкова о рождении своей матери: «*Странно родилась бедная моя мать. Бабушка моя так страдала перед тем, чтоб разрешиться, что впала в летаргию; три или четыре дня ее и младенца ее считали мертвыми; день, назначенный для похорон, наступил, она лежала уже в гробу, ждали духовенство, псаломщик читал псалтырь, как вдруг стол подломился и гроб упал; от сотрясения бабушка очнулась и тут же в гробу родила бедную мою мать...*»¹¹

Могла ли иметь место в реальной жизни подобная история? Или же это вымысел изобретательного автора «Записок Сушковой»?

⁶ Фадеев А. М. Воспоминания. Одесса, 1897. С. 28, 38—93.

⁷ Русский вестник, 1857, т. XI. С. 405—500.

⁸ Вестник Европы, 1869, кн. VIII. С. 289—340; кн. IX. Дата «предисловия» М. И. Семевского: 10 декабря 1868 года.

⁹ Вестник Европы. Записки Е. А. Хвостовой, рожденной Сушковой. 1870. С. XVI+259.

¹⁰ Салтыков-Щедрин М. Е. Соч., т. 9. М., 1970. С. 390—391.

¹¹ Сушкова Е. А. (Хвостова). Записки. 1812—1841. Первое полное издание / Ред., введение и примечания Ю. Г. Оксмана. Л.: Academia, 1928. С. 25.

Надо отметить, что в русскую литературу образ ожившего трупа вошел в 1820—1840-е годы XIX века и был тесно связан с западноевропейской романтической традицией. Елена Петровна Блаватская, родственница Екатерины Сушковой, описывала уникальные случаи глубокого «забвения». Так, например, ею упоминается случай, когда в воскресное утро 1816 года один брюсселец впал в летаргический сон. На следующий день убитые горем родственники уже подготовили все для захоронения. Однако мужчина внезапно проснулся, сел, протер глаза и попросил подать ему книгу и чашку кофе. Однако Блаватская, интересуясь подобными случаями, ни разу не упомянула, что в ее семье когда-либо происходило нечто подобное. Некоторым оправданием увлечению Елены Петровны мистицизмом и всем непознанным может служить тот факт, что абсолютно все члены семейства Фадеевых (включая ее бабушку Елену Павловну и дедушку Андрея Михайловича), даже самые консервативно настроенные, увлекались таинственными явлениями человеческой психики, участвовали в спиритических сеансах и в то же время интересовались редкими случаями из естественной истории, например проявлениями летаргии. Учитывая тот факт, что родственники Е. Сушковой (Н. А. Фадеева, Е. А. Ладыженская) сомневались в правдивости описанного эпизода, а большую часть записок Екатерины Александровны считали «чистой мистификацией», можно предположить, что автор обратился к образу ожившего покойника как к модной литературной тенденции, позволяющей охарактеризовать нравы, царящие в семье мемуаристки. В то же время подобные эпизоды должны были привлечь читательский интерес, а следовательно, увеличить коммерческую ценность издаваемых «Записок».

Племянница мемуаристки Н. А. Фадеева, ссылаясь на отсутствие в семейном архиве Долгоруких сведений о вышеупомянутом эпизоде, а также на молчание о нем своей матери, выразила в печати сомнения в достоверности рассказа об обстоятельствах рождения А. П. Долгорукой.

Сестра Е. А. Сушковой, Елизавета Ладыженская, вообще не верила в авторство «Записок»: *«Не допуская сначала и мысли, чтоб эти Воспоминания могли быть написаны г-жой Хвостовой, родною моею сестрой, которая естественно должна бы иметь одинаковые с моими сведения и понятия о семейных лицах — я немедленно написала письмо к редактору „Вестника Европы“, с восстановлением всех имен и событий, как они произошли фактически, т. е. как изложены здесь. Я просила объяснить мне это загадочное приключение, отнесенное мною к плохой шутке над журналом и над публикой. Но, по некоторым обстоятельствам, письмо мое не дошло по назначению»*¹².

Итак, родная сестра Е. А. Сушковой-Хвостовой не допускала мысли о том, что ей принадлежит авторство пресловутых «Записок». Действительно, при внимательном чтении в них можно найти множество нелепостей и несуразностей.

Удивительно, но дочь не знает, где именно скончалась ее мать: как свидетельствуют Е. А. Ладыженская и Н. А. Фадеева, умерла А. П. Сушкова в поместье П. Ю. Колотриковой, а не В. Ю. Горчаковой. Автор «Записок» забыла фамилию своей бабушки, гувернантки, забыла имя своей няньки и, что всего удивительнее, место погребения обожаемой родной матери. Ее дед, князь Навел Васильевич Долгорукий, был женат один раз в жизни, на французской дворянке, девице Бандре-Дюплесси, а не на княжне (!) Монморанси, как считает г-жа Хвостова.

Указывая на многочисленные «промахи» мемуаристки, Е. Ладыженская отмечает: «Разительнее всех нареканий, обезобразивших поистине благородный частный быт Беклешовых и Сушковых, разительнее всех промахов, касающихся до тихо иссох-

¹² Ладыженская Е. А. Замечания на «Воспоминания» Е. А. Хвостовой // Русский вестник. 1872. Кн. I. С. 637—662.

шей, прежде славной ветви Долгоруковского рода, должно броситься и постороннему глазу фантастическое сказание про Александра Андреевича Беклешова. Как! Последний, кажется, генерал-прокурор, военный губернатор Москвы, о котором рассказываются, печатаются и перепечатываются анекдоты (хоть, например, о его соперничестве с митрополитом Платоном), генерал-губернатор остзейского края, первый русский, которому город Рига поднес почетное звание своего гражданина, умерший за несколько лет до эпохи, где он описывается в Воспоминаниях, и, разумеется, похороненный как все добрые люди... в 60—70 верстах от Риги, нежданно-негаданно воскресает! Воскресает для того, чтобы „сбирать по селу (Федосьино, Псковск. губ., Остр. уез.; в позднейшую мою бытность там в нем проживало до 200 человек дворовых) все сальные огарки“... жадно следить, как они то „тухнут, то вспыхивают“, и этим чадом, с примесью запаха от раны (рака на брови), пластырей и мази, душить бедняжку Екатерину Александровну, к которой он так привязался, что почти не отпуская от себя...»¹³

«Чего, право, не выдумают эти мертвецы! — продолжает Елизавета Ладыженская. — И в народе водится много преданий о том, как давят и душат домовые, — я читала и Якоба Бема, и Сведенборга, и „Таинства древних магов“, и все спиритические сочинения, — в ушах у меня и теперь звучат мелодические стихи „Любовь мертвеца“, но о подобной привязчивости, но о подобных посмертных страстях — боюсь! — и не слыхивала и не читывала»¹⁴.

Напомним, что среди поздних стихотворений М. Ю. Лермонтова (1841) имеется одно, озаглавленное «Любовь мертвеца»: «Пускай холодною землею засыпан я...»

Однако не только обращают нас к образу ожившего покойника — в них отчетливо прослеживается имитация чужого художественного стиля (в литературе постмодернизма такое явление назовут роман-пастиш, или стилистическая мимикрия. Этим «Записки Е. А. Сушковой» отчасти напоминают «Письма и записки» А. Оммер де Гелль — нашумевшую и позднее раскрытую литературную мистификацию П. П. Вяземского, которая в свое время была опубликована тоже как подлинный документ тем же издательством «Academia»¹⁵. Кстати, в истории обеих публикаций, как и в самих текстах, обнаруживается много общего.

- В основу обеих «воспоминаний» положены истории, содержащие отзвуки реальных событий из жизни М. Ю. Лермонтова.
- В текст вплетены выдержки из подлинных писем и дневников.
- Оба текста вошли в критико-биографическую литературу о Лермонтове, но вызвали острую полемику.
- Некоторые детали описанных мелодраматических ситуаций перекликаются с сюжетом лермонтовской драмы «Два брата» (в случае с Сушковой)¹⁶ и повестью «Княжна Мери» (в случае с А. Оммер де Гелль). То есть в обоих случаях мы имеем дело с реминисценциями и аллюзиями, связанными с лермонтовским творчеством.
- Тот и другой текст публиковался частями, а полный текст вышел в одно время и в одном и том же издательстве.

¹³ И так, снова образ ожившего трупа! (*прим. авт.*).

¹⁴ Оммер де Гелль А. Письма и записки / Вступ. статья М. М. Чистяковой. М.; Л.: Academia, 1933. С. 637—662.

¹⁵ Оммер де Гелль А. Письма и записки / Вступ. статья М. М. Чистяковой. М.; Л.: Academia, 1933. С. 464.

¹⁶ Тексты «Юношеских произведений Лермонтова» (особенно тирады драмы «Два брата»), опубликованные в девятом томе «Русского вестника» за 1857 год, несомненно использованы были Е. А. Сушковой для оживления прежнего рассказа о конфликте двух претендентов на ее любовь.

- Очень схож у мемуаристок и образ М. Ю. Лермонтова: повеса, интриган, сердцеед.
- Те и другие мемуары публиковались в переводе с французского языка.
- Более того, подлинные документы, касающиеся двух «женских» историй в жизни М. Ю. Лермонтова, хранились в одном и том же семейном архиве Фадеевых. Цепочка имен, имевших отношение к архиву, приводит к Павлу Петровичу Вяземскому (его дочь Екатерина была первым переводчиком писем и стихов А. Оммер де Гелль с французского языка).
- В обоих текстах имеются хронологические ошибки, искажение имен и топографических названий.
- В обоих случаях создается биографический миф о Лермонтове.
- Оба текста в одно и то же время являются и документом эпохи, и игрой с читателем.

Однако если «Письма и записки» А. Оммер де Гелль после ряда курьезов окончательно отнесены к жанру литературной мистификации, «Записки» Сушковой до сих пор публикуются как целиком подлинный материал.

Между тем у исследователей неоднократно возникал вопрос, почему Е. А. Сушкова только в работе над «Записками» проявила свое несомненное литературное дарование как героиня лермонтовского романа. И хотя Юлиан Григорьевич Оксман в предисловии к «Запискам» Е. А. Сушковой, опубликованным издательством «Academia» в 1928 году, объясняет это тем, что «после событий, давших материал для рассказов мемуаристки, „бурный поэтический период“ жизни Екатерины Александровны окончился; „начался, — говоря словами первого ее, издателя, — отдел прозы, тихой, быть может, счастливой, но уже не просящейся под перо“», памятуя о печальном опыте с «Письмами и записками» А. Оммер де Гелль, можно предположить, что родственники Е. А. Сушковой оказались правы и большая часть «Записок», опубликованная после ее смерти по неизвестному в оригинале автографу, — «чистая мистификация».

Кстати, фальшивые мемуары как литературный жанр до сих пор актуальны. Такого рода книги либо изначально публикуются как вымышленные, либо их фейковый характер обнаруживается позднее. В любом случае они рассказывают о том, чего не было, а иногда еще и прикрываются для этого чужим именем. Можно привести конкретные примеры: например, в 1986 году в США под именем Александра Пушкина были опубликованы «Тайные записки 1836–1837 годов». Книгу давно признали фальшивкой, но в некоторых электронных библиотеках ее по-прежнему приписывают Пушкину.

Можно привести еще много примеров подобного литературного творчества, но сегодня в лермонтоведении важно отделить вымысел от реальности. «Записки» Е. Сушковой — действительно интересный документ эпохи, но, публикуя их в наши дни, необходимо сопроводить текст квалифицированным научным комментарием.